

В.В. КИРИЕНКО,
ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК (ГОМЕЛЬ)

МЕНТАЛИТЕТ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ: ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ, СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ

Рассматриваются теоретические и исторические предпосылки формирования феномена менталитета, определяется его предметное поле, структура и базовые функции. Анализируются природно-географические, геополитические и социокультурные условия формирования и модернизации этнонационального менталитета, его связь с политическими, экономическими, социокультурными процессами.

The theoretic and historic prerequisites of the formation of mentality as a phenomenon are considered; its subject area, structure and basic functions are determined. The natural-geographic, geo-political and socio-cultural conditions to forming and modernizing the ethno-national mentality, its relationship with political, economic and socio-cultural processes are given analysis to.

Активный интерес к менталитету был вызван системным кризисом общественных отношений на территории Советского Союза и стран СЭВ. Девальвирование и деградация социальных идеалов и базовых ценностей,

релятивизация социальных процессов, усложнение механизмов социальной жизни, деформация государственно-цивилизационных институтов, неспособных обеспечить целостность полиэтнических образований, предопределили ажиотажный интерес к культуре, истории, мифам, легендам, преданиям, ментальным ценностям собственного народа. Актуализация этнонациональных процессов и интерес к ментальным характеристикам обуславливались, с одной стороны, необходимостью минимизировать негативные последствия в свое время ошибочно выбранной стратегии на слияние народов и наций в единую наднациональную общность, с другой – потребностью в восстановлении этнонациональной самобытности и культуры, естественным желанием наций и этносов обустроить свою жизнь в соответствии с собственным менталитетом. Но интерес к этнонациональному менталитету был вызван не только объективными условиями, но и субъективными факторами: острым стремлением политической, экономической, культурной национальной элиты, спекулируя на этнонациональных чувствах, добиваться собственных целей, далеко не всегда совпадающих с коренными интересами народа. Акцентуализация этнонациональных ментальных характеристик без их научного определения привела к тому, что ранее безобидные ментальные различия перерастали в принципиальные, а порой и антагонистические противоречия, проявлялась острая потребность в ответах на вопросы: «кто мы?», «откуда мы?», «чем мы отличаемся от других?» и, в конце концов, «кто наши недруги?» и «кто наши друзья?».

В настоящее время категория «менталитет» широко используется в понятийных аппаратах культурологов, психологов, социологов, политологов, философов, историков, экономистов, правоведов, она все больше становится инструментом междисциплинарного изучения социально-гуманитарных процессов. Указанные обстоятельства требуют теоретико-методологического осмысления, содержательного наполнения и корректного использования категории «менталитет».

Одним из теоретических предшественников разработчиков феномена ментальности является классик социологии Э. Дюркгейм. Формулируя основные постулаты развития общества, он пришел к выводу, что главным «скрепом», оформляющим социум в пространстве и времени, являются *коллективные представления*, которые формируются и поддерживаются социумом в нескольких поколениях. Коллективные представления в концепции Э. Дюркгейма – это не сумма представлений индивидов, но новое производное качество, ибо «коллективное чувство... выражает не только то, что было общего между всеми индивидуальными чувствами. Оно есть результирующая совместной жизни, продукт действий и противодействий, возникающий между индивидуальными сознаниями... Если все сердца бьются в унисон, то это не вследствие самопроизвольного и предустановленного согласия, а потому, что их движет одна и та же сила и в одном и том же направлении. Каждого увлекают все»¹. Человек у Дюркгейма представляет собой двойственную реальность, в которой взаимодействуют две субстанции, две сущности: *индивидуальная* и *социальная*. При этом социальная реальность доминирует над индивидуальной: не общество возникает из индивидов, а индивид из общества². Базируясь на приоритетности социальных механизмов над индивидуальными, Дюркгейм совершенно определенно сделал вывод, что «социальный феномен не зависит от личной природы индивидов. Причина заключается в том, что в сплаве, из которого он возникает, все индивидуальные признаки, разнообразные по определению, взаимно нейтрализуются и сглаживаются»³.

Значительный вклад в разработку проблем взаимодействия процессов индивидуализации и социализации, личности и социума, подготовивший теоретическую почву для социологической разработки феномена менталитета, внес американский социолог Т. Парсонс⁴. В своих социальных построениях он сформулировал фундаментальный вывод о реальности *системы социального*

действия, в рамках которого субъект деятельности – *actor* – находится в постоянной взаимной связи с окружающей средой – климатом, географическим ландшафтом, другими *actor*ами (под которыми он понимал как отдельных индивидов, так и социальные группы). Подчеркивая социальную сущность культурной системы, Т. Парсонс отмечал, что как ее пассивное освоение – обучение, так и активное творчество в создании новых элементов культуры невозможны без взаимодействия с другими субъектами. Социокультурные ценности создаются и поддерживаются представителями нескольких поколений больших социальных групп, при этом базовые элементы культурной системы остаются более или менее неизменными и являются высокоустойчивыми структурными социальными опорами, аналогичными тем, которые создают генетический или биологический вид⁵. Таким образом, парсоновская система культуры удовлетворительно объясняет воздействие менталитета на поведение *акторов*.

Методологическую ценность в осмыслении сущности менталитета и его теоретической экспликации представляют труды немецкого ученого К.Г. Юнга. По аналогии с социологическим феноменом *коллективные представления* Дюркгейма Юнг на социально-психологическом уровне обосновал феномен *коллективного бессознательного*, представляющего собой хранилище латентных слоев памяти человечества, состоящее из мощных первичных психических образов – *архетипов* (греч. *arche* – начало, *typos* – образ). Ими могут быть врожденные идеи, воспоминания, определяющие способность людьми воспринимать, переживать и реагировать на объекты и события определенным образом⁶. *Архетипы* – образования, организующие процесс сопричастности индивида и единого с ним окружающего природно-социального мира во всем многообразии сложных, противоречивых взаимодействий. Именно *архетип* в юнговских социально-психологических построениях имеет ключевое значение для понимания менталитета как спрессованной коллективной памяти, ибо «архетип в силу своей способности объединять противоположности служит посредником между бессознательным основанием и сознанием. Он перекидывает мост между современным бытием, которому постоянно угрожает утрата собственных корней, и естественной, бессознательной, инстинктивной целостностью первобытных времен. Благодаря этому посредничеству уникальность, особенность и односторонность нашего современного индивидуального сознания снова обретает связь со своими естественными расовыми корнями»⁷. Существенным в теории Юнга является то, что архетипы изначально амбивалентны, они «имеют как позитивную, благоприятную, светлую сторону, которая указывает вверх, так и ту, которая указывает вниз – частично негативную и неблагоприятную, частично хтоническую, но в остальном просто нейтральную»⁸. Поэтому каждый из архетипов в конкретных социальных условиях может проявить как конструктивно-созидательные, так и деструктивно-разрушительные качества.

Следует подчеркнуть, что в юнговских архетипах ментальность присутствует не только содержательно, но и оформленно. В его представлении, в отличие от *архетипов*, являющихся проявлением бессознательных психических процессов, *ментальность* «вмонтирована» в образно-эмоциональные мифы, которые несут в себе запечатленный опыт предшествующих поколений. Если «архетипы предстают как произвольные выявления бессознательных процессов, о существовании и смысле которых можно только догадываться»⁹, то «ментальность не изобретает мифы, она их переживает»¹⁰.

Существенное методологическое значение в понимании менталитета имеют глубинные разработки Юнгом биолого-психологической предопределенности (инвариантности) личности. В его трактовке *коллективное бессознательное* реализует подсознательную энергию (либидо) посредством нескольких инвариантов, главными из которых являются *экстраверсия* и

интроверсия. Обладатели экстравертной инвариантности – *экстраверты* характеризуются врожденной предрасположенностью направлять свое либидо вовне и соответственно получать импульсы, энергию для собственной «подзарядки» из внешнего мира. Экстраверты нуждаются в большом количестве взаимодействующих с ними субъектов, а оценки референтных социальных групп для них являются более значимыми, чем собственные. Экстраверты видят, ощущают и оценивают себя и окружающий мир не столько собственными глазами, сколько глазами других, они изначально *социоцентричны*. Индивиды с интровертной инвариантностью – *интроверты* характеризуются предрасположенностью устремлять свое либидо внутрь себя. Актуализация собственной подсознательной энергии у интровертов осуществляется посредством собственных мыслей, чувств, фантазий. Приспособление к внешнему миру у них затруднено, они подсознательно избегают взаимодействия с большими социальными группами. Данная инвариантность реализации либидо является объективной причиной естественной *антропоцентричности* интровертов.

Проблема *ментальности* как научной категории была впервые сформулирована социальными историками школы «Анналов», попытавшимися переориентировать обществоведение, во-первых, с изучения так называемых объективных, социально-экономических отношений на анализ «субъективных», нравственно-психологических и социокультурных элементов общественных отношений и, во-вторых, произвести переакцентацию оценок социальных событий с позиций официальных доктрин на анализ неотрефлексированных алгоритмов жизнедеятельности народных масс. «...Обращение к ментальности как к фундаментальному слою сознания предполагает не только различение ментальности и идеологии, но и различение установок широких масс и элиты. ...Поворот, который осуществила школа «Анналов», и был поворотом к культуре «безмолвствующего большинства», к противопоставлению «ученой» и «фольклорной» культуры, к постижению народной культуры и народного менталитета, к изучению массовых представлений, существующих по большей части неотрефлексированно»¹¹. Для реализации этой задачи представители нового направления социологии, объединенные вокруг журнала «Анналы экономической и социальной истории», обратились к глубокому «пластам залегания» исторической памяти – «ментальности, увидев в ней систему образов и представлений социальных групп, все элементы которой тесно взаимосвязаны и сопряжены друг с другом и функции которой – быть регулятором их поведения и бытия-в-мире»¹².

По мнению перворазработчиков категории *mentalite*, она представляет собой систему «образов... которые... лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей»¹³. Изначально категория «менталитет» (от позднелат. *mentalis*, произведенного от лат. *mentis* – ум, *alis* – другие, от фр. *mentalite* – образ мышления) обозначала наличие у каждой социокультурной общности некоего общего «нравственного инструментария», своеобразной «психологической оснастки», которая позволяет всем членам общества воспринимать окружающие их события более или менее одинаково, что и обеспечивает их синхронизированные действия. Эта «оснастка» обеспечивает ощущение индивидами одинаковости среди «своих» и различия, несходства с «чужими». Представители школы «Анналов» особо подчеркивали, что ментальность – не простой набор характеристик, а *система* взаимосвязанных качеств, обеспечивающих синхронное поведение членов социальной группы. При этом связи, возникающие между характеристиками, являются более важными, чем значения каждой характеристики.

Термин «ментальность» ввел в науку французский философ, социолог, этнограф Л. Леви-Брюль в 1922 г. в работе «Первобытное мышление».

Опираясь на сформулированное Дюркгеймом понятие «коллективные представления», используя этнографический материал о жизни народов Африки, Австралии, Океании, находящихся на разных этапах социокультурного развития, он сформулировал положение, в соответствии с которым определенным социально-культурным структурам соответствуют определенные типы коллективного мышления. В частности, он указывал, что коллективное первобытное мышление, в отличие от мышления цивилизованного общества, ориентировано на установление не логико-аналитических, а мистико-пралогических (дологических) отношений. Центральной особенностью менталитета Леви-Брюль считал *нечувствительность к логическим противоречиям*, зафиксированным в преданиях, мифах, сказаниях, в которых описываемые предметы являются одновременно и самими собой, и чем-то «иным»; и рациональными, и священными. Сформированный им «закон сопричастности» (*партиципации*) раскрывает механизм синхронизированного взаимодействия людей в сферах, не поддающихся опытно-логическому освоению каждым конкретным человеком. В связи с тем что ментальное восприятие является эмоционально насыщенным, причинная зависимость между событиями и явлениями, первобытным сознанием либо вовсе не улавливается, либо имеет минимальное значение. Первое место в нем (а часто и все сознание) занимают различные виды мистической партиципации¹⁴.

Сущность, характеристики и функции менталитета изучали и изучают представители различных социально-гуманитарных наук, поэтому подходы к этому вопросу, определение предметного поля менталитета, выделение его сущностных характеристик и функций также различаются.

Представители *культурологического направления* рассматривают менталитет как совокупность представлений, воззрений, «чувствований» общностей людей определенной эпохи, географической области и социальной среды, оказывающих влияние на исторические и социокультурные процессы. Исходя из того, что в абсолютном большинстве случаев поступки людей определяются синтезом рационального и чувственного, сознательного и подсознательного, представители культурологического направления содержание менталитета определяют тем уровнем общественного сознания, на котором мысль не отделена от эмоций, от ментальных установок и приемов сознания. Так, российский исследователь А.Я. Гуревич под ментальностью понимает «социально-психологические установки, способы восприятия, манеру чувствовать и думать. Ментальность выражает повседневный облик коллективного сознания, не отрефлексированного и не систематизированного посредством целенаправленных умственных усилий мыслителей и теоретиков. Идеи на уровне ментальности – это не порожденные индивидуальным сознанием, завершенные в себе духовные конструкции, а восприятие такого рода идей определяется социальной средой; восприятие, которое их бессознательно и бесконтрольно видоизменяет, искажает и упрощает»¹⁵. Менталитет, с точки зрения культурологов, представляет собой некую интегральную характеристику людей, живущих в определенной культурной среде, которая позволяет описать своеобразие ощущения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него. «Когда мы говорим о ментальности, то имеем в виду прежде всего не какие-то осознанные и более или менее четко формулируемые идеи и принципы, а то конкретное наполнение, которое в них вкладывается»¹⁶.

Представители *психологического направления* в исследовании менталитета в качестве базовых механизмов функционирования ментальных характеристик выделяют психологические константы на индивидуальном и (или) групповом уровне. По определению представителя российской психологической школы И.Г. Дубова, «...менталитет раскрывается через систему взглядов, оценок, норм и умозаключений, основывающуюся на имеющихся

в данном обществе знаниях и верованиях и задающую вместе с детерминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательного иерархию ценностей, а значит, и характерные для представителей данной общности убеждения, идеалы, склонности, интересы и другие социальные установки, отличающую указанную общность от других»¹⁷. В.Е. Семенов определяет менталитет как «исторически сложившееся групповое долговременное умонастроение, единство (сплав) сознательных и бессознательных ценностей, норм, установок в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом настроении»¹⁸.

В соответствии с теорией *географического детерминизма* важнейшим условием формирования этноса и его менталитета является природно-географическая среда обитания. По терминологии Л.Н. Гумилева, «кормящий ландшафт» является необходимым и важнейшим условием начала этногенеза¹⁹. При этом на ранних этапах этнос полностью приспосабливается к природно-климатическим условиям; в период зрелости этнос сам приспосабливает природную среду к собственным требованиям, создает искусственный ландшафт.

Представители *социологического* направления исследуют ментальность как исторически обусловленные социальные настроения, социальные установки и стереотипы, сложившиеся в определенных исторических условиях. На непосредственную связь менталитета с социальной деятельностью указывает А.П. Огурцов, который считает, что «и практика, и социально-экономические отношения, и все формы поведения должны быть рассмотрены как производные от этих инвариантных образов и представлений, с помощью которых индивиды осмысливают мир и свое место в нем. Ведь структуры ментальности обладают и большей исторической длительностью, и большей устойчивостью относительно изменений общественно-политической истории. Менталитет поэтому и менталитет, что он определяет опыт и поведение индивида и социальных групп»²⁰. И.К. Пантин определяет менталитет «как выражение на уровне культуры народа исторических судеб страны, как некое единство характера исторических задач и способов их решения, закрепившихся в народном сознании, в культурных стереотипах. ...В менталитете определенной нации откладывается... ее исторический опыт, перипетии ее формирования и развития. Менталитет – это своеобразная память народа о прошлом, психологическая детерминанта поведения миллионов людей, верных своему исторически сложившемуся “коду” в любых обстоятельствах, не исключая катастрофические»²¹. Из своего определения менталитета И.К. Пантин выводит его практическую функцию, заключающуюся в том, что «проблему менталитета можно поставить как... социально-историческую, объясняющую ряд составляющих национально-государственного существования»²² (выделено мною. – В. К.). Представляется, что именно социально-эвристическая функция менталитета – оптимизация моделирования национального общественного обустройства через декодировку характеристик национального менталитета – является достаточным мотивом в социологической разработке данного феномена.

Обобщение приведенных характеристик, а также анализ проведенных автором исследований в области менталитета позволяет определить его предметное поле, характеристики и функции следующим образом.

Менталитет – социально-культурный сознательно-бессознательный феномен, который представляет собой слой исторической памяти, «спрессованного» социального опыта как предыдущих, так и ныне живущих поколений, предопределяющий синхронизацию переживаний и алгоритмов социального действия большинства членов социума, обеспечивая его целостность в пространстве и времени в различных, в том числе и в критических, условиях общественного развития.

Ментальные нормы являются эмоционально насыщенными, трудно формулируемыми и, как правило, зафиксированными в передающихся от поколения к поколению социокультурных императивах поведения: обычаях, традициях, верованиях. Ментальные характеристики чаще всего проявляются не столько на уровне строгого формально-логического анализа, сколько «проговариваются» в поговорах, поговорках, мифах, былинах, преданиях, сказках, анекдотах. Их принципиальной особенностью является то, что они могут быть определены, во-первых, путем сравнения с аналогичными характеристиками представителей других этнонациональных образований или иных социальных групп и, во-вторых, сопоставления степени проявления ментальных характеристик в различные периоды времени.

Принципиальной особенностью менталитета является то, что он представляет собой не простой набор автономных, изолированных друг от друга характеристик, а *агрегатную систему* взаимосвязанных, взаимодополняющих и взаимоограничивающих друг друга ментальных элементов. Вследствие чего изменение одной из ментальных характеристик вызывает изменение остальных. При этом степень воздействия доминирующих характеристик на другие более значима, чем средневыраженных, а воздействие слабовыраженных на доминирующие характеристики проявляется в минимальной степени.

Базовым свойством менталитета является его органическая связь с этногенезом. Менталитет, будучи структурообразующим элементом этногенеза, сам, в свою очередь, формируется, сохраняется и воспроизводится в этносе. Основными факторами этногенеза и условиями формирования и воспроизводства этнонационального менталитета выступают:

– *природно-климатические условия* формирования этноса, по терминологии Л.Н. Гумилева, – «*кормящий ландшафт*». Принципиальной особенностью взаимодействия этноса и природного ландшафта является то, что на ранних этапах своего становления этнос и его менталитет практически полностью зависят от природных условий, приспосабливаясь к ним; на стадии зрелости этнос сам приспосабливает природу к сформированным потребностям, создает искусственный ландшафт. При смене (изменении) среды обитания этнос, точнее, его менталитет не только приспосабливается к природным условиям, но и сам изменяет природный ландшафт, приводит его в соответствие с собственным менталитетом;

– *геополитические условия*, предопределяющие как эволюционное, добровольное, положительно комплиментарное взаимодействие, взаимодополнение и взаимообогащение этнонациональных культур, так и насильственные, экстенсивные формы навязывания социокультурных ценностей одним этносом другому либо эклектическое соединение органически не соединимых элементов различных культур;

– *социокультурные условия*, которые в значительной мере формируются под воздействием природно-климатических и геополитических условий и выражаются в системе социальных отношений, ценностных ориентациях, нормах, стандартах поведения, привычках, обрядах, типах хозяйственной жизни;

– *психоэнергетические особенности* представителей этноса: тип высшей нервной деятельности, *пассионарность*, которые корректируют воздействие природно-географической среды, геополитических и социокультурных условий на процесс этногенеза. Этносы, обладающие высокой психоэнергетической потенциальностью (*преобразующей пассионарностью*), приспосабливают природный ландшафт, социокультурную и геополитическую заданность к собственным ментальным характеристикам. Этносы или субэтносы, образующие этнос, обладающие низкой психоэнергетической способностью (*приспособительной пассионарностью*), взаимодействуют с географической, социокультурной и геополитической средой преимущественно за счет собственного приспособления;

– *межэтническое и межконфессиональное взаимодействие* является одним из важнейших условий формирования этнонационального менталитета. В процессе этнонациональной идентификации именно конфессионально-культурные маркеры оказываются наиболее значимыми, определяющими границы между «мы» и «не-мы», «своими» и «чужими». История южных славян, в том числе и новейшая, демонстрирует, что этногенетически близкородственные, но подвергшиеся влиянию различных конфессий, сербы и хорваты сформировали различающиеся менталитеты. Культурно-конфессиональное взаимодействие субэтносов, образовавших белорусский этнос, в свое время формировавшийся под воздействием различающихся версий христианства – православия и католичества, обеспечило формирование специфического белорусского этноса.

Важнейшим атрибутом менталитета является *константность*. Свойство устойчивости менталитета, его базовых характеристик актуализируется в кризисных ситуациях, когда появляется острая необходимость в определении направления и способов коллективного действия. Вместе с тем менталитет и его отдельные характеристики в такой же мере обладают существенным свойством *динамичности*. Под воздействием изменяющихся социокультурных, геополитических, хозяйственно-экономических, природно-географических и иных факторов структура менталитета эволюционирует, в ней ослабляются одни характеристики и усиливаются другие. Поведение этнонационального образования в критических условиях системных кризисов в конечном счете определяется соотношением, субординацией динамических и статических характеристик менталитета.

Ввиду того что основным «хранилищем» менталитета является подсознательный уровень психики, его сущностной чертой выступает *латентность*, скрытость от непосредственного наблюдения. В периоды устойчивого, стабильного развития общества, «общественного консенсуса» этнонациональные отличия представляются незначительными, не оказывающими существенного влияния на геополитические, экономические, социокультурные процессы. Опыт деятельности полиэтнических государств, в том числе советский и югославский, показал, что в периоды общественного согласия, когда ослабляются центробежные и усиливаются центростремительные межэтнические тенденции, различающиеся ментальные характеристики проявляются на уровне культурно-бытовых различий (национальная кухня, одежда, музыка, литература, поэзия, архитектура). В такие периоды этнонациональные особенности создают поликультурную, «многоцветную» гармонию различающихся, но взаимодополняющих, комплиментарных культур. В периоды общественных кризисов безобидные ментальные различия перерастают в принципиальные, доходящие до антагонистических, этнонациональные противоречия.

Особенностью менталитета в целом, так же как и отдельных ментальных характеристик, выступает их *амбивалентность*. Менталитет социальной группы, этноса или нации и его отдельные характеристики изначально не являются ни положительными, ни отрицательными. Гармоничными или дисгармоничными, позитивными, конструктивными или деструктивными ментальные характеристики становятся только в конкретном социальном контексте.

Важнейшим свойством менталитета выступает особенность ощущения *времени и пространства*. По определению С. Кара-Мурзы, «на картине мира (в конечном счете на представлении пространства и времени) строится социальная философия и видение общества и государства. Находясь в пределах физического линейного времени, человек субъективно ощущает его в нелинейном, социально-психологическом измерении. Именно в ощущении пространства и времени люди в конечном счете выходят за рамки физической линейности. Пространство и время наполняются социальным

содержанием»²³. В ментальном ощущении *время* не только *идет*, но и *летит*, *тянется*, *останавливается*, *возвращается* и *уходит в никуда* – «*события канули в Лету*». *Время* может восприниматься и как *счастливое*, *золотое*, и как *трудное*, *проклятое*. Таким же образом и *пространство* измеряется не только физически, линейно, но и социально-психологически, нелинейно: оно бывает не только *большим* или *маленьким* в одномерном, двухмерном или трехмерном измерении, но и социальным – *своим*, *чужим*, *общим*, *ничьим*. В социально-психологической системе координат пространство может быть как *священным*, так и *проклятым*. Рай может быть и на физически дискомфортной территории – «с милым рай и в шалаше», а ад и на физически комфортной территории – «с немилым ад и во дворце». В различных культурах существуют свои представления об оптимальных конфигурациях пространства. Так, представители североамериканской культуры ощущают себя комфортно в линейном «прямоугольном мире». В окружении искусственных, имеющих, как правило, строгую геометрическую планировку и форму, поселений и сооружений взгляд американцев ищет прямые линии улиц, зданий, дорог. Оставшаяся часть незаселенной природы также упорядочена, разделена на «квадраты». Представители этносов и наций, сохранивших элементы традиционной культуры, имеют негеометрическое социально-психологическое пространственное восприятие. Традиционные поселения, естественный ландшафт – лес, болото, река не имеют прямых линий; планировка улиц, домов, дорог подчинена логике непрямолинейной природы – руслу реки, линии оврагов, гор и т. п. Синхронизированное ощущение пространства и времени в конечном счете определяет неотрефлексированную специфику коллективного мироощущения и мировоззрения социума, определяет границы, разделяющие территории и временные отрезки, в пределах которых находятся или находились «свои» и «другие», «чужие».

Менталитет конкретного этноса тяготеет либо к *социоцентризму*, в таком случае система координат выстраивается от первичности и приоритетности социума, коллектива, либо к *антропоцентризму*, и тогда система координат выстраивается от первичности и приоритетности личности индивида. Как и любые системы, социоцентристские и антропоцентристские типы менталитета имеют как сильные, положительные, так и слабые стороны. Сильная сторона *антропоцентристской* модели менталитета – стремление к достижению личной свободы и независимости, к власти над миром вещей и другими людьми, слабая – проблематичность идентификации индивида с другими людьми, чувство тревоги и одиночества, необходимость в каждой проблемной ситуации принимать собственное, единоличное решение и лично нести за него ответственность. Сильная сторона *социоцентристской* модели менталитета – чувство «включенности» в обширную и целостную социальную структуру с субординированными социальными ролями, опора на мнение, опыт, поддержку социума, обеспечение достаточно полной идентификации индивида с социальной группой, слабая сторона – заложенная возможность ослабления чувства личной ответственности за собственные решения и поступки, возможность «растворения» индивида в группе, утраты собственной индивидуальности.

Менталитет, как и любая другая сложная система, имеет свое «центральное поле», носителем которого является доминирующая часть социального образования, и «пограничные зоны», носителями которых выступают пассионарные социальные слои, отличающиеся от носителей «центрального поля» либо повышенным социальным радикализмом, либо повышенным социальным консерватизмом. Данное обстоятельство и предопределяет наличие различающихся между собой не только этнонациональных, но и внутриэтнических ментальных характеристик. Именно это обстоятельство позволило В.Е. Семенову сформулировать вывод о том, что в по-

лиэтнической России «большая разница обнаруживается между представителями разных российских менталитетов в одном городе, чем между представителями одних и тех же менталитетов в разных городах»²⁴. Знаковые социальные события – президентские или парламентские выборы, общенациональные референдумы – являются детонаторами, приводящими в движение «пограничные слои», дестабилизирующими социальную статистику. При этом один из «пограничных слоев» испытывает большую нагрузку «на сжатие», другой – такую же нагрузку, но на «растяжение». Социальные слои, расположенные в «центральной доле», стремятся привести социальную конструкцию в соответствие с базовыми ментальными характеристиками. Поскольку сверхвысокая пассионарность пограничной части этноса долго поддерживаться не может, то при ослаблении источника «возмущения» инерционные силы в соответствии с «законом маятника», возвращая социальную конструкцию в прежнее состояние, обеспечивают очередной перегиб, но теперь уже в противоположную сторону. Поэтому при волюнтаристском, без учета этнонациональных ментальных особенностей, навязывании форсированных либо замедленных темпов и масштабов социального реформирования значительная часть энергии народа затрачивается не на оптимальную модернизацию самой социальной конструкции, а на ее «раскачивание».

В вертикальном срезе выделяются следующие типы, или уровни, менталитета: «социально-групповой», «этнический», «национальный». *Менталитет этноса* является базовой формой, на основе которой в результате интеграции культур, как правило двух или более этносов, формируется *этнонациональный менталитет*, который не совпадает с ментальными характеристиками половозрастных, профессиональных, других социальных категорий и групп населения и в то же время на высшем уровне синтезирует все эти черты в единое целое. Подчеркнем, что менталитет не может быть индивидуальным по своему определению, поскольку ментальные характеристики становятся таковыми только при условии их многократного повторения несколькими поколениями социума. Менталитет «являет себя» в действиях индивидов, но формируется и воспроизводится, во-первых, только в социальных образованиях и, во-вторых, в процессе жизни нескольких поколений. *Индивидуальная ментальность* выражает обладание индивидом вариативной системой ментальных характеристик с учетом его половозрастных, профессиональных, конфессионально-культурных и других индивидуальных характеристик, но в пределах этнонационального менталитета. Поэтому употребление понятия «индивидуальный менталитет» может рассматриваться только в качестве художественной метафоры. Категория «менталитет» несет в себе научно-практическую ценность именно потому, что она раскрывает механизмы синхронного во времени и диахронного в пространстве поведения социальных групп и социальных общностей.

Следует отметить существенное свойство ментальных характеристик – их *амбивалентность*. Несмотря на явное тяготение американцев к антропоцентризму, а японцев – к социоцентризму, эффективность американской и японской экономик находится в одинаковой плоскости, при этом результаты социальной эффективности японской модели являются более предпочтительными.

Этнонациональный менталитет структурно дифференцируется по следующим *социально-стратификационным* признакам.

В соответствии с *культурно-конфессиональным* признаком этнос (нация) дифференцируется на сегменты, в пределах которых индивиды ощущают свое единство со своими (*мы, свои*) и различие с другими (*не-мы, они, чужие*) по принадлежности к определенной культуре, в значительной степени облекаемой в конфессиональные «одежды». Исторический опыт свидетельствует, что религиозные принципы и догматы оказывают существенное

влияние на формирование культуры и менталитета этноса и нации. Религия, являясь важнейшим структурообразующим остовом этнонациональной культуры, опирается на базовые, «вечные» социальные ценности, апеллирует к досознательным, иррациональным элементам сознания. Не менее значимый и процесс влияния ментальных этнонациональных характеристик на религиозную конструкцию – как на выбор конфессии, так и на приспособление религиозных догматов, норм и правил, в том числе и публичных ритуалов, к собственным социокультурным заданностям, собственному менталитету.

Социально-гендерный признак дифференцирует этнос (нацию) не столько по биологическому, сколько по социально-психологическому ощущению собственной *маскулинности/феминности*. Социальный конструкт гендерных ощущений как продукт этногенеза через семью, учреждения образования, средства массовой информации, другие социальные институты формирует определенный набор половых различий, обеспечивает воспроизводство культурно обусловленных нормативных социальных ролей мужчины и женщины.

В процессе этногенеза мужчина и женщина оказались приспособленными к различающимся социальным функциям: мужчины – к преобразованию окружающего мира, женщины – к сохранению стабильности. Социальный гендерный стереотип предопределяет, что женский способ существования реализуется через *глубокие переживания (интроверсию)*, вследствие чего женщины субъективнее и чувствительнее к человеческим взаимоотношениям и их мотивам, в качестве базового у них доминирует мотив избегания неудач. Мужской способ существования характеризуется направленностью творческого импульса вовне, на преобразование внешнего мира и утверждение себя в нем, доминирует мотив достижения успеха. Естественные различающиеся роли мужчины и женщины в репродукции и воспитании детей предопределили социально-гендерные нормативные стереотипы «отцовства» и «материнства». В различных культурах эталоны *мужественности* и *женственности*, содержание понятий «быть женщиной» и «быть мужчиной» различаются. Национально-культурный образ «маскулинное/феминное – Я», выполняя ориентировочно-коррекционную функцию, организует процессы идентификации социально-половой роли и структурирует систему гендерных приоритетов. Вместе с тем, модифицируя стереотипы мужчины и женщины, социальный механизм не способен изменить качественные различия их базовых биологических структур и социальных функций. Гормональные, психологические, морфологические, естественно-природные различия между мужчиной и женщиной имеют *не количественный, а качественный* характер. Таким образом, и на естественно-биологическом, и на социально-культурном уровне проявляется не противопоставление, а естественное взаимообусловливание и взаимодополнение их социальных ролей.

Социально-возрастной аспект менталитета дифференцирует этнос (нацию) не столько по биологически-возрастным, сколько по социально-возрастным особенностям. Сущностное свойство этнонационального менталитета проявляется в удержании и воспроизводстве базовых ментальных норм при одновременном их развитии, модификации. Поэтому как межпоколенное социокультурное единство, так и социально-возрастное социокультурное различие выступают необходимым условием динамической устойчивости менталитета. Молодое поколение является естественным субъектом модификации менталитета, тогда как старшее поколение также естественно стремится к удержанию и воспроизводству устоявшейся ментально-культурной нормативности. Вследствие того что у представителей одного и того же поколения понятия о культурных нормах не совпадают, индивиды одного биологически-возрастного поколения могут относить себя к различным социально-возрастным поколениям, и наоборот.

Аграрно-урбанистические структуры определяют единство и различие «сельского» и «городского» сегментов этнонационального менталитета. Естественным полем формирования этноса, его культуры и менталитета является сельско-аграрный сегмент, а естественным носителем этнонационального менталитета выступает сельскоаграрная культура. Ввиду того что вплоть до начала XX ст. более 95 % представителей белорусского этноса были локализованы в сельской местности, белорусские культура и менталитет имели ярко выраженную сельскоаграрную «одежду». Исторически население городов Беларуси, в отличие от моноэтничного сельского населения, было полиэтничным, с доминированием небелорусских этносов. Культура и менталитет городских жителей были в минимальной степени белорусскими. В течение XX ст. под воздействием геополитических, социокультурных, научно-технических процессов вместе с принципиальным изменением производительных сил и производственных отношений в Беларуси подвергались существенному изменению и социальная структура, и система социальных отношений. Этнонациональный менталитет современных белорусов представляет собой уникальную конструкцию, в которой в качестве базовых содержатся сельскоаграрные белорусские культурные элементы, обогащенные интернационально-урбанистическими (в первую очередь – великорусскими, украинскими, польскими, еврейскими) социокультурными элементами.

Социально-профессиональное сегментирование этнонационального менталитета определяется объективно различающимися условиями деятельности различных слоев населения в специфических сферах материального и духовного воспроизводства. Представители социальных слоев, профессиональная деятельность которых связана с изучением и использованием национально-специфических элементов материальной и духовной культуры (аграрная отрасль, национальная литература, филология, этнография, история, народное творчество), опираются на этнонациональные традиции, обычаи, отечественную духовную и материальную культуру, объективно тяготеют к глубокому освоению собственных культурных особенностей. Социальные слои, профессиональная деятельность которых связана с интернациональной материальной и духовной культурой (техника и технология, экономика, международная деятельность, изучение и преподавание иностранных культур, языков и т. п.), объективно ориентируются на глубинное освоение элементов интернациональной культуры. Следует подчеркнуть, что необходимым условием динамической устойчивости этнонационального образования является диалектическое единство национальных и интернациональных элементов в материальной и духовной культуре. Вместе с тем эклектическое соединение их несовместимых элементов ведет к формированию мозаичного ментального портрета и в конечном счете – к разрушению целостности этнонационального образования.

Стратификационно-имущественные дифференцирующие элементы этнонационального менталитета базируются на различающихся возможностях социальных слоев и социальных групп в обладании и распоряжении материальными и духовными благами. Поскольку представители этнонационального образования идентифицируют друг друга в качестве «своих» или «чужих» по законам сопричастности, соучастия, то до тех пор, пока не разрушается чувство справедливости между «своими», центростремительные силы доминируют над центробежными силами. Целостность этнонационального образования подвергается разрушению не столько тогда, когда происходит общее снижение материального благополучия, сколько при превышении допустимых границ имущественного расслоения. Феномен «нуборишей», «новых русских», «новых белорусов» базируется не столько на «нестыковке» достижений наднационального материального тела благ западной цивилизации и духовного этнонационального тела отечественной культуры, сколько на превышении допустимой нормы материального расслоения.

ния. Белорусское «так, как у всех», «не хуже, чем у других», «как у людей, так и у меня» выражает сущность народной правды, равенство с родичами.

Категории «менталитет» и «культура» взаимно связаны между собой следующим образом. Ментальные характеристики, «базируясь» в подсознательной части психики, скрыты от непосредственного наблюдения. Их индикаторами выступают социокультурные алгоритмы поведения, проявляющиеся в эмоционально-насыщенных обычаях, традициях, стереотипах и предрассудках. Культура, представляя собой продукт многовековой деятельности этноса в конкретных природно-географических, геополитических и социокультурных условиях, реализуется в сложной, иерархически организованной системе устойчивых во времени особенностей жизнедеятельности, потребностей, способов их удовлетворения, ценностно окрашенной информации, передающихся от поколения к поколению. Понять своеобразие культуры нации, этноса, иной социальной общности возможно, только уяснив их неотрелфлексированные ментальные характеристики. В свою очередь, декодировать этнонациональные ментальные характеристики возможно, только предварительно проанализировав отличительные социокультурные алгоритмы деятельности этноса (нации).

В настоящее время категория «менталитет» активно используется историками, политологами, экономистами, правоведами, культурологами, психологами, философами, социологами. В способности обеспечения междисциплинарной интерпретации социальных процессов, выявления связи между мироощущением, умонастроением социума и социальными процессами заключается важнейшая *социально-инструментальная* функция менталитета. Междисциплинарность и полифункциональность феномена менталитета определяют необходимость объединения творческих усилий исследователей всего комплекса социально-гуманитарных наук – этнологов, социологов, историков, философов, этнопсихологов, лингвистов, культурологов, филологов. При этом «стержнем» менталитета являются его социальные характеристики, а базовыми функциями – социально-деятельные.

¹ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 36.

² Там же. С. 31.

³ Там же. С. 235.

⁴ См.: Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Америк. социол. мысль. Тексты. М., 1996. С. 494–526.

⁵ Там же. С. 496.

⁶ См.: Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. М.; Киев, 1997. С. 90.

⁷ Там же. С. 113.

⁸ Там же. С. 308.

⁹ Там же. С. 88.

¹⁰ Там же. С. 89.

¹¹ Российская ментальность (материалы круглого стола) // Вопр. философии. 1994. № 1. С. 53.

¹² Там же. С. 51.

¹³ Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 г. // Одиссей. Человек в истории / Под ред. А.Е. Гуревича и др. М., 1991. С. 48–49.

¹⁴ См.: Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994. С. 63.

¹⁵ Современная этнопсихология: хрестоматия / Под общ. ред. А.Е. Тараса. Мн., 2003. С. 129.

¹⁶ Гуревич А. Ментальность // Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. Ю. Афанасьева, М. Ферро. М., 1989. С. 454.

¹⁷ Ментальность русских / Под общ. ред. Ю.И. Аверьянова. М., 1993. С. 14.

¹⁸ Семенов В. Е. Российская полиментальность и тенденции ее развития // Социальные и ментальные тенденции современного российского общества / Под ред. В.Е. Семенова. СПб., 2005. (Человек и общество. Вып. 31). С. 8.

¹⁹ См.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2001.

²⁰ Российская ментальность (материалы круглого стола) // Вопр. философии. 1994. № 1. С. 51–52.

²¹ Там же. С. 30.

²² Там же. С. 30.

²³ Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. М., 2001. Кн. 1. От начала до великой победы. 473 с. (Сер. История России. Современный взгляд).

²⁴ Семенов В. Е. Российская полиментальность и тенденции ее развития // Социальные и ментальные тенденции современного российского общества / Под ред. В.Е. Семенова. СПб., 2005. (Человек и общество. Вып. 31). С. 8.